

Алексей Полубота

Алексей Викторович Полубота – поэт, прозаик, публицист. Автор четырёх опубликованных поэтических сборников. Стихи и проза публиковались в десятках центральных и региональных литературно-художественных изданий, переводились на сербский, якутский, тувинский, немецкий, английский языки.

Инициатор и вдохновитель Всероссийского фестиваля им. Николая Тряпкина «Неизбывный вертоград», Международного поэтического конкурса им. Евгения Курдакова «Купина неопалимая», Международного поэтического конкурса им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени». Главный редактор

литературно-краеведческого альманаха «Неизбывный вертоград».

Автор цикла репортажей с мест военных действий в ДНР и ЛНР в 2014–2023 годах, режиссёр документального фильма «Зайцево. Храм на линии фронта», вошедшего в официальную программу 24-го Международного фестиваля православных фильмов «Радонеж». Организатор ряда литературно-гуманитарных акций в поддержку восставшего Донбасса.

Награждён медалью «Михаил Шолохов» Союза писателей России.

Отец троих детей. Живёт в подмосковном наукограде Реутове.

ПО ЗОВУ ПРОРОКА НЕПОКОРЁННОГО ДОНБАССА

Немного сказки

Каким только не встречал меня Донбасс в эти девять лет – иссушающе-жарким, пыльным, стылым, промозглым, ветреным, обледенелым, бесснежным в декабре и метельным в октябре. А в этот раз встретил нежной ещё мягкой зеленью волнистых холмов под перисто-голубым небом, отцветающими абрикосами, ласковым теплом и... на удивление хорошей дорогой.

Честно говоря, знакомый с местными реалиями, я готовился к тому, что как минимум на стокилометровом отрезке от бывшего КПП «Должанский» до Дебальцево придётся страдать вместе с машиной на убитой, изъеденной колдобинами дороге. И товарищей на это настраивал. А вместо этого – ровная асфальтовая сказка, почти без выбоин, местами совсем свежее дорожное полотно. Строители из Ставрополя делают то, что здесь никто не делал с советских времён – по сути, прокладывают новую современную дорогу.

Впрочем, сказка продолжалась примерно полпути – до города Антрацита. Далее до Горловки началось то самое мучение, которое я ждал – бесконечные и зачастую опасные для машины ямы, между которыми приходится отчаянно крутить руль во все стороны и чертыхаться.

Под дулом автомата

А война в этот раз началась для нас неожиданно, совсем не так, как в другие приезды. Обычно определяешь близость передовой тем, что начинаешь различать дальний грохот орудийных или ракетных разрывов. Но в эти часы раннего майского утра было тихо в донецкой степи.

Заехав в Горловку, ожидаемо начинаем плутать. Город, особенно центр, я уже немного знаю, но этого явно недостаточно. А навигатор от самой границы лишь периодически показывает слабые признаки жизни, – несмотря на то что республики Донбасса уже более года как вернулись в Россию, общероссийские операторы мобильной связи и Интернета не спешат развернуться здесь. Первым делом необходимо найти Детский социальный центр, куда надо передать собранные жителями Подмосковья мягкие игрушки, бельё и конфеты. Без толку тыкаемся в разные переулочки. Наконец

с товарищем, литератором Евгением Богачковым, выходим из машины в надежде спросить кого-то из местных. Запущенный переулок под зелёным навесом деревьев безлюден. В открытую дверь одного из дворов вижу несколько мужчин, сохнущую на верёвках одежду. Кричу им в проём свой вопрос.

Они хмуро поворачиваются в мою сторону, один отрицательно качает головой, мол, какой ещё детский центр... Через минуту я стою перед наведённым на меня автоматом Калашникова. Несколько возбуждённых солдат добровольческого батальона внимательно и не очень вежливо «выясняют наши личности». Как назло, документы остались в машине на соседней улице. Отдаю Жене ключи, чтобы он подогнал машину, а сам остаюсь вроде как в заложниках. «Если правда гуманитарку везёте – отпустим без проблем, – говорит высокий солдат с массивным лицом, – ну а если соврал... зароем так, что не найдут. Мы тут уже год воюем, полроты потеряли, вчера друга хоронили. Нам по...»

Не могу сказать, что мне не страшно, но на войне надо быть готовым к таким вещам, поэтому внешне стараюсь держаться спокойно. К тому же я понимаю, из-за чего всё. Добробат располагается в частном секторе, и если передать координаты места, то укры обязательно накроют этот квадрат артой или чем похуже. «Полегче, командир, – цежу сквозь зубы. – Я сюда с 2014 года езжу, тоже кое-что видел».

«Ведёт Бог за ручку»

Наконец подъезжает Женя, бойцы смотрят документы и багажник, недоразумение кое-как улаживается. Бойцы на прощание жмут нам руки. Мы продолжаем поиски. И теперь уже, благодаря очередному просветлению навигатора, удачно. Находим директора заведения, невысокого приветливого человека. Достаём сумки и коробки с игрушками. Они лежат в машине, которую ведут наши соратницы – писательницы Людмила Семёнова и Светлана Размыслович. Света подходит ко мне, улыбаясь с хитринкой, и передаёт продолговатую коробку, завёрнутую в чёрный пакет. И тут сердце у меня ухает, пожалуй, сильнее, чем когда на меня навели автомат. Ведь я и забыл совсем, что на дне одной из сумок среди мягких игрушек мы от греха подальше упрятали уникальный прицел стоимостью почти полмиллиона рублей. На него собирали деньги, что называется, всем миром. Очень помог и Реутовский фонд соцподдержки населения. Одна из наших задач в этот приезд – передать прицел по назначению снайперскому взводу, работающему под Горловкой с 2014 года. Вот была бы история, если бы оставили его «в дар детишкам». Но – соратницы не подвели.

Однако самое интересное происходит спустя полминуты. К зданию детского центра подкатывает издававшая виды «буханка». А в ней – сотрудница военной комендатуры Света Чинякова. Та самая, что должна свести нас со снайперами. Она тоже привезла детям гуманитарку, хотя планировала сделать это днём раньше. Связи с ней не было больше суток, и где искать её, у нас не было ни малейшего представления. Такая вот случайная и, конечно, не случайная встреча. «Ведёт Бог за ручку нас», – тихо говорит кто-то из наших. Здесь же на месте решено, что надо ехать на встречу с командиром снайперов с позывным «Лис» прямо сейчас. Ситуация меняется даже не ежедневно – ежечасно. То, что можно было сделать утром, совсем не обязательно получится сделать в обед. Отдалённый грохот «прилётов» и «выходов» уже не раз доносился до нас. Теперь, увы, всё как обычно в последние девять лет в этих местах. Мы пересаживаемся из своих машин в «буханку», перегружаем туда часть гуманитарки и вскоре мчимся под будоражащие душу боевые песни куда-то под Авдеевку.

Печать войны

«Такого подарка за все эти годы я не видел, – говорит Лис, осматривая привезённый нами прицел. – Не могу поверить, наверно, я не проснулся ещё». В его голосе, взгляде, движениях сквозит неторопливая уверенность. Он немногословен, лишь иногда прорывается в его словах какая-то подробность огромного боевого опыта. Ещё весной 2014 года он со своими бойцами «работал» по украинским пограничникам, не пускавшим гуманитарку и боеприпасы в осаждённый Славянск. Больше всего он оживает в разговоре, когда заходит речь о винтовках, прицелах, патронах.

Перед нашим приездом Лис отсыпался после очередного выхода на позиции. «Семь целей отработали с напарником», – как бы между делом говорит он.

«Цели – это люди?» – спрашивает Света Размыслович.

«На той стороне для нас людей нет, там нацисты, которые убивают нас уже девять лет. Не щадят ни мирных, ни раненых», – неторопливо, уверенно в своей правоте отвечает Лис.

Непосвящённому трудно понять, какая это тяжёлая работа снайпера (про опасность, наверно, понимают даже непосвящённые). Порой приходится до пяти суток лежать практически неподвижно, завернувшись в маскхалат, чтобы обмануть бдительность противника. Всё это время почти без еды, с минимумом воды, нередко – в памперсе.

На лицах окруживших нас людей, даже самых улыбчивых, читается тот неизгладимый отпечаток, который накладывает война. Даже на таких, как мы, наскоками бывающих здесь, она сказывается. А они... мне кажется, что многие люди на войне воспринимают своё довоенное восприятие мира, свою мирную жизнь как потерянный рай. Хотя никто из них, по крайней мере из тех, с кем я общался, не жалеет о своём выборе.

Ильич – хирург, через руки которого прошли тысячи раненых, сотни из которых, по словам санитаров, обязаны ему жизнью. Он внешне спокоен, даже как будто отстранён от происходящего. Откуда-то из своего внутреннего далека посматривает на приехавших писателей. Один раз, когда, услышав характерный хлопок со стороны «укров», я начинаю прислушиваться к нарастающему свисту летящего снаряда, он перехватывает мой взгляд и молча отрицательно качает головой: дескать, не наш, не волнуйся. Вообще на периодический грохот стрельбы здесь никто, кроме нас, почти не обращает внимания, как будто это какие-то будничные и безопасные звуки.

Помимо прицела, мы привезли на передовую окопные свечи, медикаменты, продукты, военно-патриотические книги издательства «Вече», выпущенные при содействии Союза писателей России.

Во дворе полевого госпиталя устраиваем небольшой импровизированный концерт, читаем свои стихи и стихи товарищей. Замечаю, как один из бойцов трёт глаза, чтобы скрыть слёзы. «Психика совсем поломанная», – бормочет он.

Напоследок сидим на маленькой кухне в доме, где располагается госпиталь, с санитарями и снайперами за рюмкой чая, делимся впечатлениями, Люда Семёнова что-то эмоционально, почти восторженно рассказывает о том, с какими приключениями мы добирались, как хорошо ей быть здесь среди настоящих смелых мужчин, как рады мы все хоть немного помочь нашим бойцам.

«Давно не было такого хорошего дня», – говорит Света Чинякова. Мне кажется, я понимаю, что стоит за этими словами, – в нас, пока ещё окрылённых тем, что удалось вырваться из московской суеты, реально помочь делу, она видит себя и своих товарищей такими, какими были они девять-восемь лет назад, ещё не изломанными войной, не уставшими от неё до чёртиков.

«Как отсюда видится, скоро всё это закончится?» – спрашиваю я.

«Честно? – поворачивается ко мне Света. – Мы давно уже стараемся не говорить на эти темы, не загадывать. Делаем что можем, и будь что будет».

Вечером в гостинице, где мы остановились, выключается свет. Во тьме слышен тупой грохот дальних разрывов. Видимо, где-то повредили ЛЭП или подстанцию. Между пепельно-чёрных туч висит, как чей-то недобрый немигающий глаз, абсолютно круглый диск луны. Одна военная ночь из тысяч, которые уже пережили горловчане и жители многих городов Донбасса. А сколько их ещё будет...

Мечта о мирной Горловке

Утром следующего дня заезжаем в Горловскую библиотеку для детей и юношества, которая за эти годы стала близким местом. Сюда мы тоже отдаём книги и встречаемся с местными поэтами. Хотя официального запрета нет, встречи с читателями никто из чиновников разрешать не хочет – перестраховываются на случай «прилёта» по скоплению талантов и их поклонников. Однако наши друзья всё равно пришли повидаться. С особенным удовольствием обнимаю поэта-горловчанина Александра Савенкова. Что-то родное сквозит в его помятой исхудавшей фигуре, в добром усталом взгляде. Саша все девять лет войны никуда не выезжал из города, писал свою поэтическую летопись, которая, конечно, останется в истории литературы Донбасса, а может быть, и всей России:

*думает, дикий, из камня и глины он,
а взглянется в дома и арки –
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой.*

Дарю Александру «Антологию стояния Донбасса», составленную из лучших произведений авторов журнала «Берега», где есть и его и мои стихи, а он мне в ответ дарит свою чудом вышедшую новую книгу «Грех долгой печали». Чудом – поскольку Саша весьма непрактичен в делах житейских, а книгу на свои средства издали поклонники его поэзии из Ростова-на-Дону.

Прощания после кратких встреч особенно пронзительны. Тем более на войне. Не первый год у нас есть мечта с горловскими друзьями – посидеть тёплой компанией в мирной Горловке и выпить за окончательное освобождение Донбасса. Исполнится ли она?

«Бытовой героизм»

Теперь – в Волноваху, завести гуманитарку для краеведческого музея и для беженцев из окрестных, разрушенных войной сёл. И потом, если получится, – в Свято-Успенскую Николо-Васильевскую обитель под Угледаром. «Если» – это потому, что все сводки из телеграм-каналов, все знающие и бывалые люди однозначно свидетельствуют – нас туда, практически на линию фронта, не пропустят.

Но сначала закупаемся новой партией бытовой химии и продуктов в большом торговом центре на окраине Горловки. Здесь слышнее буханье «прилёт» и «выходов». Иногда даже привыкшие к этой «музыке» горожане вздрагивают. «Это здание иногда как карточный домик дрожит, – улыбаясь, говорит горловчанка Алина Когтева, благодаря которой удалось закупить товары с большой скидкой. – Ничего. Мы привыкли давно».

Это тот самый неприметный «бытовой героизм», который поневоле проявляют местные, которые решили оставаться в своём городе, несмотря на то что война уже десятый год стоит у его порога.

Под звёздами Донбасса

Хорошо прохладной майской ночью смотреть на крупные мерцающие звёзды Донбасса. Особенно если после трудного дня сидишь, хорошо закусив, посреди уютного двора. Комаров ещё нет, ничто не мешает созерцанию. Как-то по-особенному, как бывает только в Донбассе, перелаиваются собаки. От этих беззлобных, как холостые автоматные очереди, звуков спокойней на душе. И даже изредка бухающие вдали «прилёт» кажутся чем-то отстранённым, что обязательно обойдёт тебя стороной, не покорёжит твоей жизни.

Хотя это, конечно, иллюзия. Вот и прошмыгнувший возле ног бесхвостый кот по кличке Партизан тому подтверждение. Совсем недавно, во время его ночных шатаний по Докучаевску, котяра попал под обстрел, отделался тем, что осколок перерубил хвост. Да и в хату нашего гостеприимного хозяина, писателя Юрия Хобы, не раз уже прилетали смертельно опасные «приветы от укров». В голове мелькают воспоминания прошедшего дня: светлая и пустынная набережная Кальмиуса в Донецке, куда мы заехали на несколько минут, чтобы глотнуть горько-сладкого воздуха столицы непокорённого Донбасса, обнять задумчиво смотрящего на воду Антона Павловича с чайкой у плеча.

Вспоминается и предвечерняя пустынная Волноваха, где у недавно открытого памятника Герою России Владимиру Жогге с нами без раздумий согласились сфотографироваться местные ребята. Год назад сразу после освобождения призрак смерти ещё витал над недавно остывшими обугленными домами, а во дворах стояла разбитая военная техника. С того времени этот городок не залечил, конечно, тяжёлые раны, но, словно больной, которого отмыли от крови, забинтовали и положили на госпитальную кровать, понемногу начинает идти на поправку. Хочется в это верить. Вот и отремонтированное здание Дома культуры, названное именем легендарного Жогги, сияет как с иголочки, словно в каком-нибудь ухоженном подмосковном городке, и здание храма Преображения, год назад жутко зиявшее разрушенным чревом (кстати, именно фото этого храма попало на обложку «Антологии стояния Донбасса»), восстановлено челябинскими строителями. Однако парадокс в том, что больной город даже «в госпитале» (в тылу) периодически терзают его враги. В годовщину гибели

Вохи совсем рядом с краеведческим музеем, где мы оставили часть гуманитарной помощи, ударами «хаймеров» в центре города был уничтожен один из уцелевших домов. И опасность таких ударов постоянно висит над городком.

Да, многие картины только что прошедших событий вспыхивают в памяти, когда, запрокинув голову в ночную темень, смотришь на притягательно мерцающие миры. И вроде бы есть все основания быть довольным – большинство задач поездки, кажется, выполнено. Остались ещё деньги, на которые можно купить гуманитарку для людей, живущих далеко от фронта, раздать на обратном пути. Но неотступно свербит мысль: монастырь... Обитель батюшки Зосимы. Его основатель, проклинавший морок бандеровщины, предсказал гонения на православие на Украине и завещал своей пастве хранить идеалы Святой Руси, молиться за единство трёх братских славянских народов. Не случайно, конечно, Свято-Успенский Николо-Васильевский монастырь уже многие месяцы, по сути, находится на линии фронта. Он держал духовную оборону долгие годы при русофобской власти в «Незалежной», а теперь украинские вояки посылают по нему снаряд за снарядом. Часть пожилых монахов священноначалие благословило уехать в тыл, но немало насельников, как монахов, так и монахинь, не хотят покидать святого места, молятся в нижнем храме.

Так и маячат в ночной темноте перед внутренними глазами золотистые купола разрушенных белокаменных храмов обители, виденные в Интернете. Зовут. Да, нас отговаривали в эти дни уже не раз. Дескать, запас еды и бытовой минимум есть у монахов, никто с голода не умирает. Уму понятно, что, с точки зрения материальной пользы, может быть, и не стоит так рисковать: нас предупреждали, что укронацисты бьют из орудий без разбору по всем машинам и просто передвигающимся по селу людям. Но где-то глубже ума мерцает знание: если хотя бы не попытаться прорваться с гуманитарной помощью к монастырю, надолго потом, может быть на всю жизнь, останется червоточина в душе.

Да ведь и сбор денег, по большому счёту, проводили мы, имея в виду, что доставим помощь именно молящимся под обстрелами насельникам. В какой-то момент я понимаю, что не поехать нельзя. В крайнем случае поеду один. А ребята на второй машине – домой.

Свои среди своих

– Я ехал, чтобы помогать, поэтому поеду с тобой, – говорит на следующее утро Женя Богачков.

От этих его слов что-то горячее разливается в груди, волной подступая к горлу. Наши спутницы тоже отказываются отпустить нас одних. «Эх, дураки, сами не знаете, куда лезете», – ворчит Юрий Иванович и тут же берётся сопровождать нас: он ведь местный и лучше знает все просёлочные дороги, по которым предстоит ехать. Главная дорога на Никольское заминирована и перекрыта: взорван один из мостов.

Чем ближе подъезжаем мы к передовой, минуя один блокпост за другим, тем равнодушнее голубое со стальным отливом небо над нами, тревожнее убегающие вдаль поля в нежном покрывале зелени. И сама пыль разбитой дороги, поднимающаяся из-под колёс наших машин, кажется враждебной. Уныния наводят разрушения в окрестных сёлах, особенно, когда чернеют проломы в белостенных храмах. Тот кураж, с которым мы заезжали в Донбасс несколько дней назад, улетучился. Накопившаяся усталость и опасность, растворённая в воздухе, не располагают к браваде.

На блокпостах ребята несколько озадачиваются, глядя на наши московские номера, но в целом корректны, даже приветливы. И как ни удивительно, пропускают нас дальше и дальше. «О, земляки! – приветливо машет парень с широким и добрым русским лицом. – Я сам из Солнцево, а вы откуда?»

Мы раздаём книги, энергетики, сигареты, всё, что припасено для этих случаев, желаем Божьей помощи, удачи. И везде возникает чувство своих, какое не часто бывает в мирной повседневной жизни.

«Брата недавно схоронил, – нарочито спокойно говорит боец во время одной из остановок, когда мы решаем, куда ехать дальше, – с 2014 года воевал, ещё ополченцем. Смерть обходила. А тут зашли в Павловку ротой 130 человек, через месяц вышло оттуда 40 бойцов. Это зимой ещё было. А брата месяц только как опознали. Вот воюю теперь за него». Таких историй уже не одну доводилось слышать в эти дни.

И вот, наконец, последний блокпост, за которым уже только линия обороны, причём не сплошная. На нём стоят бойцы из Татарстана. Здесь нас останавливают, показывают, куда поставить машины

(прямо под табличку «Осторожно, мины!»), чтобы не мешали проезжающим КамАЗам и БМП. Начинаются долгие переговоры по радию. Кто-то из командиров батальона выспрашивает у бойцов с блокпоста, что у нас в багажниках, есть ли сопровождающие от военных.

«Окопные свечи? Зачем в монастыре окопные свечи?» – спрашивают на том конце. Видимо, сбивает с толку слово «окопные». Мы пытаемся объяснить, что в Обители часто нет электричества. А окопные свечи не только для освещения, но и для готовки пищи годятся. Наконец, один из замов комбата решает приехать лично, чтобы посмотреть на нас.

– А не боитесь? – спрашивает он меня, изучив наши паспорта. – Там не просто обстрелы, там ПТУРом вполне накрыть могут.

– С 2014 года ездим, Бог милует, – пожимаю плечами. – Мы ненадолго, разгрузимся и назад.

Он ещё что-то взвешивает про себя с минуту и наконец говорит, протягивая руку:

– Ну, удачи. Осторожней.

Дорога под прицелом

Делаем ещё одну слабую и, конечно, безуспешную попытку отговорить девушек ехать с нами и трогаемся в путь по грунтовке, ведущей к Никольскому. Совсем рядом отрабатывает наш «Град», слышны оружейные «выходы» с укрупской стороны. Сушь в горле. Всё время кажется, что откуда-то сверху высматривает нас стеклянным зловещим взглядом хищная вражеская птица – беспилотник. Вдруг обжигает ужасом мысль, что сам уцелею, а с кем-то из моих товарищей случится непоправимое. Особенно с девчонками. Многодетными мамами то есть. Ведь это я застрельщик этого рейда, всю жизнь чувствовать вину! Губы почти непроизвольно начинают шептать слова «Отче наш» и за ней подряд всех известных мне молитв. Так немного легче. Как будто невидимый заслон опускается за стеклом машины. Сидящий рядом Юрий Иванович, скосившись в мою сторону, скептически кривит губы, что-то бурчит себе под нос.

В лесопосадках иногда проезжаем наши замаскированные танки, а иногда то, что от них осталось. Бойцы у машин провожают нас взглядами, иногда кто-то из них машет рукой.

В какой-то момент начинает казаться, что мы слишком долго едем и пропустили нужный поворот, того и гляди заедем к украм. Вот это будет совсем...

Но вот наконец меж нежной майской зеленью посадки сверкает неземное золото куполов. Никольское. Последний примерно километр перед монастырём – абсолютно голое простреливаемое пространство. Вокруг дороги тут и там остовы сгоревших военных и гражданских машин. «Да святится имя твое, да и приидет Царствие твое», – резко прибавляю скорость и начинаю, насколько позволяет дорога, лавировать из стороны в сторону. Так меня учили осложнять задачу вражеским наводчикам и снайперам.

Вдруг – прямо перед глазами вырастает яма посреди дороги, машина сотрясается, ударившись днищем, и глохнет. «Куда ты гонишь?!» – сердито кричит Хоба, прибавляя непечатное. Женя тоже что-то кричит с заднего сидения. Секунда, вторая, пятая... Расстроено уркнув, моя выдавшая виды «Нива» всё же заводится снова. «Спасибо, милая... И спаси, Блаже, души наша...»

Мы подъезжаем к воротам монастыря, земля усыпана битыми осколками кирпича, какими-то железками. Как из-под земли вырастает боец. «Покажи багажник», – без лишних приветствий говорит он. Краем глаза замечаю: ещё двое бойцов прячутся от обстрела в каменном доме со снесённой крышей, с интересом смотрят на нас через выбитое окно.

Благословение Зосимы

Въезжаем в монастырь. Всё как будто виденное в каком-то давнем сне: испещрённые осколками монастырские стены, сбитые снарядами купола, раненые иконы с пронзительными лицами, чернеющие развалины какой-то постройки. Сколько раз видел уже за эту войну расстрелянные церкви, но привыкнуть к этому невозможно.

«К стенам ближе держитесь, к стенам», – призывают монахи, вышедшие нам навстречу. «Какие же светлые у них лица! С таким душевным покоем и силой! Хоть завтра навстречу с Богом», – завидую я про себя.

Совсем рядом звучит надсадный свист, где-то в сотне метров от нас падает вражеская мина. «Мамочки, можно я здесь останусь, обратно не поеду», – посеребрившими губами улыбается Света.

«Это ваша машина? Переставьте, там место плохое, с беспилотника могут увидеть, разобьют», – говорит мне монашка.

Бегу к машине выполнять совет.

«Идите, поклонитесь к батюшке Зосиме», – говорит кто-то из насельников, когда мы заканчиваем перегрузку. Во всё, что они делают, говорят, сквозит такая вера, что сильнее самых искусных проповедей. Мы по очереди торопливо проходим в чудом сохранившуюся часовенку, где погребён Зосима. На израненных осколками фресках дрожат солнечные лучи. С могильного фото смотрит живой взгляд батюшки. Я вспоминаю, что Люде перед поездкой приснилось, что Зосима благословляет нас. Вот, значит, и не приснилось вовсе.

Спускаюсь в нижний храм. В его чёрной молитвенной тишине мерцают редкие слабые свечи. Сюда почти не доносится шум земной жизни. Полное ощущение, что погрузился куда-то во времена первых христиан, укрывавшихся в пещерах от гонителей-язычников.

«Там вон, смотри, двое русских солдатиков к крещению готовятся», – шепчет рядом кто-то. И я понимаю в эту минуту, зачем Бог всё же дал нам попасть сюда сквозь все препятствия и кордоны.

Да, конечно, надо было своими глазами удостовериться и до других донести, что вот это служение Богу под обстрелами с ежедневным, ежеминутным риском погибнуть вовсе не бессмысленное упорство, не фанатизм. И монахи, ценой своих жизней сохраняющие духовную жизнь в монастыре, делают дело не менее важное, чем воины на поле брани. Пока есть такие люди, готовые отдать жизнь за православие, устоит Русская Земля. В эту минуту я уже почти уверен и в том, что на обратном пути до спасительного блокпоста, казавшегося таким опасным меньше часа назад, с нами ничего не случится.

